

К вопросу о так называемых «мерских станах»

С.В. Городилин

В связи с историей Волго-Клязьминского междуречья I – нач. II тыс. н.э. упоминаются «мерские станы» и волости – поздние административные единицы, названия которых связываются с их населением – мерей. Считается, что они отражают этноним мери и иные ее ойконимы.

«Мерские станы» составили треть всех отмеченных в литературе русских этнотопонимов, производных от этнонима *меря*. А.К. Матвеев свел их на карте, предназначив эти данные для установления лингвоэтнического ареала мери и выявления топонимов мерянского происхождения¹. Их источники не указаны, но отмечено, что «мерские станы» со времен первых исследований мерянской проблемы используются для определения границ мери².

В.Н. Седых в связи с взаимодействием мери и славян, протекавшим «в разных микрорегионах с разной интенсивностью», говорит об «упомянутых в поздних средневековых источниках «мерских станах» со ссылкой на А.Е. Леонтьева, по которому они «восходят к поселениям финского населения, вытесненного со своих исконных земель и вынужденного осваивать новые жизненные пространства»³.

А.Е. Леонтьев в своем основополагающем для нынешней мерянистики труде действительно, анализируя свойства «мерских станов» и волостей – отсутствие дорусских и ранних древнерусских памятников, расположение вблизи плотно заселенных русских районов и прежних мерянских земель по берегам озер и непригодность для пашенного земледелия, предположил масштабный «процесс переселения или вытеснения мери». Перед этим, однако, сказано следующее: «неоднократно упоминавшиеся в литературе станы и волости, сохранившие дорусские названия или содержащие основу «мер», обычно рассматриваются как местности, заселенные потомками мери, хотя ни исторических, ни археологических твердых обоснований этой гипотезы пока не выдвинуто»⁴.

Рассмотрим историографию и основы выделения «мерских станов». В сер. XIX в. интерес к ранней истории Северо-Восточной Руси подогрели исследования А.С. Уварова. Их материалы еще не были изданы, когда в 1863 г. статистический комитет МВД публикует Список населенных мест (СНМ) Владимирской губ. В предисловии редактор выпуска М. Раевский, сожалея, что результаты раскопок еще неизвестны, отметил «несправедливость мнения, что меря и мурома не оставили по себе никаких исторических следов». Кроме археологии, изучению мерянского прошлого края,

по его мнению, послужит и публикуемый список селений, где «нельзя не заметить имен финского происхождения», звучащих не по-славянски. Сообщено также, что меря оставила в письменных источниках и свое имя: «еще в XVI столетии часть восточной стороны Переславского уезда звалась Мерским станом»⁵.

Видимо, эти идеи и наблюдения помогли работе А.С. Уварова с археологическим материалом. В своей книге он развил эту мысль: «многие названия, если даже не большая часть названий в теперешних губерниях Владимирской, Ярославской и остальных, с ними смежных, имеют отпечаток, несродный славяно-русскому языку. В них слышатся чуждые звуки, и происхождение таких названий принадлежит первобытным туземным обитателям»⁶. Для уточнения границ мери А.С. Уваров решил использовать топонимы, сохранившие «память о древних поселениях мерян», и, «более или менее ясно, самое имя народа, населявшего первоначально это пространство»⁷. Результат отвечал уровню науки той эпохи: «Карта Мерянской земли по Археологическим и Филологическим исследованиям» очертила ареал мери по селам и деревням с названиями типа *Мерзлики*, *Тимерево* и *Меркушево* до Сев. Двины, Керженца, Оки и Тверцы. Отмечен и Мерский стан, но не к востоку, а к западу от Переслава по р. Кубри, где находятся села Мередово и Мериново и д. Мервиново, по автору указывающие на мерю. Впрочем, все равно со ссылкой на М. Раевского почему-то сказано о нахождении их в «**восточной** части Переславского уезда, которая еще до XVI столетия именовалась Мерским станом»⁸. Где она так называлась, не уточнено.

Д.А. Корсаков в том же году, тоже ссылаясь на СНМ, пишет уже, что «Мерским станом» еще в XVI в. назывался **весь Переславский уезд**⁹. При этом, однако, он скептически отозвался об исследователях, пытавшихся провести границы мери, опираясь «на раскопки и на местные названия урочищ и поселений, из которых многие до сих пор звучат не по-русски, а иные сохраняют в своем названии имя Мери», приведя курьезный пример: «историк г. Серебряников и неизвестный автор «Исторического очерка Ярославской губернии», основываясь на сходстве названий урочищ в Ярославской и Вологодской губ. полагают, что поселения Мери шли на северо-восток до самого Уральского хребта». По мнению Д.А. Корсакова, при имеющемся уровне обработки и осмысления материала определить пределы мери и границы ее поселений пока что невозможно¹⁰.

Но скептицизм не остановил энтузиастов. Прочтя труд А.С. Уварова, краевед В.А. Самарянов отметил: «при самом поверхностном взгляде на карту Мерянской земли коренному жителю Костромы, кое-что знающему о своем крае из его прошедшего и могущему, сверх того, дополнять и поверять свои знания непосредственно по достоверным источникам, открывается, что многое и очень существенное из прошедшего Костромской стороны не дошло до сведения археологов»¹¹. В 1875 г. вышла его статья о следах «мери, чуди, черемисы, еми и других инородцев». Пользуясь теми

же методами, автор указал еще «три более или менее обширные Мерские стана или волости»: Мериновскую вол. в Кинешемском уезде «недалеко от реки Меры», встреченные им в епархиальных делах XVIII в. Мерский ст. к западу от г. Костромы у слияния Костромы и Волги и «Мерский стан» в Унженском уезде¹². На существование последнего, по автору, указывает то, что «там было одно село, к названию церкви которого (Георгиевская) прибавлялись слова: «что в Мерском». С учетом того, что в актах о собственно стане речи нет, В.А. Самарянову принадлежит первенство в появлении «мерского стана» не как конкретной административной единицы, а как родового понятия. Впрочем, его краеведческий труд и не претендует на научность выводов, содержа сообщения и предположения о топонимах и связанных с ними легендах о Шемякином кладе в золотом корабле и о татарах, по заступничеству Богородицы погибших в Мерском озере и т.п.

Дальнейшее развитие тема получает у М.К. Любавского. Методически его труд об образовании территории великорусской народности принадлежит еще XIX в. Автор определил его как «этюд», «попытку заполнить пробелы в научной литературе и дать ряд очерков» на основе географической номенклатуры актов XIV-XVI вв.¹³ Этот план был намечен еще полвека назад В.А. Самаряновым. Тот отмечал, что на основе систематически подобранных топонимов «археологу-филологу удобнее делать соображения о том, откуда началось и каким путем совершилось движение того или иного инородческого племени, и как эти чужеродные племена постепенно обрусевали, поддаваясь влиянию славянского племени, или уходили в другие места»¹⁴.

Типы селений и их имена, по мнению М.К. Любавского «дают некоторую возможность угадывать», как шло славяно-русское заселение региона. Правда, автор не был лингвистом, и попытки проследить колонизацию словенами по топонимам Коломна, Северка и Кошира или вятчичами по балтским гидронимам и названиям Карачарово, Перемышль, Стародуб сохранили лишь историографическую ценность.

Напротив, долгая жизнь оказалась суждена идее об островах — «остатках инородческих племен» на заселяемых славянами землях, сохранявшихся после XII в. еще «долгое время» и зафиксированных в позднесредневековых актах. Как и в XIX в., М.К. Любавский ищет следы веси и мери по названиям, происхождение которых связывает с этнонимами. В связи с мерей вслед за А.С. Уваровым названы Галич Мерьский, р. Нерская, д. Меря на р. Вохне, а также с. Меря Старая и Меря Молодая (автор, цитируя акты, не разобрался в административном делении и повторил их трижды — как целый куст сел в Звенигородском уезде). Также в связи с мерей указан упомянутый Мерский ст. под Костромой и Мерецкий ст. Кашинского уезда.

С островами субстратного населения М.К. Любавский счел возможным связать и «большое число отдельных селений и особенно показательных в данном случае целых **местностей, волостей и станов**» с «**самостоятельными,**

не заимствованными от рек, озер и урочищ не русскими названиями»¹⁵. Они произошли, «несомненно, от инородческих местных обществ», прословившихся русскими поселенцами и постепенно обрусевшими. В рамках гипотезы выделен большой список топонимов, не проверенный, однако, критически. В результате работа свелась к перечислению звучащих непонятно для автора названий, как при Раевском и Уварове.

М.К. Любавский развил историографическую традицию: раньше предположительно связываемые с мерей из-за звучания названия служили для гипотетического определения ее границ, а теперь они же, связанные с мерей столь же гипотетически, стали еще и основой для умозрительного предположения о ее длительном сохранении в древнерусском окружении.

Новый этап изучения «мерских станов» во втор. пол. XX в. связан с осмыслением итогов вековых изысканий археологов. В вышедшей в 1961 г. книге Е.И. Горюнова пришла к выводу, что обрусение мери протекало неравномерно, что зафиксировано археологическими **и письменными источниками**. На окраинах, по ее мнению, «долго еще сохранялись островки с населением, говорившим на мерянских наречиях, это отразилось и на административном районировании б. Владимирской и Костромской губернии»¹⁶. Автор следует М.К. Любавскому и его предшественникам, доводя существование предполагаемых «островков» до возникновения административного деления, фиксируемого в XVI-XVIII вв. Странно отнесение плотно заселенной округи Переславля с ранними древнерусскими курганами к «окраинам». Со ссылкой на «О. Раевского» вновь сказано, что «Переславский уезд Владимирской губернии еще в XVI в. именовался Мерским станом». Как говорилось, эта ошибка сделана не М. Раевским, а Д. Корсаковым, но он, однако, не упомянут.

Затем со отсылкой к «документам местных архивов» говорится о трех мерских станах «на глухих окраинах б. Костромской губернии», где «было, по-видимому, сосредоточено иноязычное население — меря». Снова «окрайной» стал стан, прилегающий к столице края, «документы» оказываются статьёй краеведа XIX в., а предполагаемая иноязычность Мериновской вол. никак не обоснована.

Другая важная работа того периода принадлежит П.Н. Третьякову и посвящена археологическим аспектам истоков древнерусской народности. Здесь мы видно возникновение историографической легенды: после раскопок А.С. Уварова, вызвавших интерес к мере, «были произведены поиски следов ее в местных архивах. При этом выяснилось, что о мере здесь помнили вплоть до XV-XVI вв. Обнаружилось также, что некогда, **в XIII в., а может быть, и раньше, некоторые районы, населенные мерей, были выделены в особые территориальные единицы**»¹⁷. Приведенные факты, на самом деле, — гипотезы, не проверявшиеся ни их авторами, ни П.Н. Третьяковым. Но обрисованная картина «островов» мери по его мнению «является бесспорной» и «подтверждается историческими сведениями последующих столетий, тоже указывающими на то, что в восточной части Волго-Окского

междуречья и за Волгой долго сохранялись местности, занятые мерей, точнее сказать, ее обрусевшими потомками» — «некоторые из станов, известных по документам XIV-XVI вв., получили свое наименование от этнонима «меря». Они назывались Мерскими станами»¹⁸.

По автору, есть «вполне определенные сведения» о трех таких станах — в Переславском, Костромском и Кашинском уездах. Описаны их природные качества, упомянут даже некрасовский дед Мазай. Однако П.Н. Третьяков не счел нужным уточнить их названия и расположение, обратившись к работе Ю.В. Готье или к источникам, что дало бы ему избежать серьезных ошибок в собственной карте¹⁹. Упомянуты также «мерский стан» на Унже и Мериновская вол. у Кинешмы В.А. Самарянова, хотя их связь с мерей не подтверждается и не отвергается.

Таким образом, вместо того, чтобы проверить гипотезы предшественников, сопоставив их с источниками, видные советские археологи использовали их в своих построениях, придав им тем самым характер фактов, подтвержденных археологией. Историографическая традиция, связанная с «мерскими станами», подкреплена их авторитетом и уже не нуждалась в обосновании.

Крупный археолог-финноугровед Е.А. Рябинин отметил у П.Н. Третьякова «интересное сопоставление ареала могильников с финно-угорскими традициями и территорий Мерских станов и волостей, известных по источникам XV-XVIII вв.», а также «тезис о финно-угорских «островках», длительное время сохранявших свою культурную автономию в окружении славянских поселений» (тезис, однако, выдвинут еще М.К. Любавским, а П.Н. Третьяков лишь оценил его как «беспорный») ²⁰. Под сопоставлением, видимо, имеется в виду карта на рис. 10 в книге П.Н. Третьякова, где 2 из 3 «мерских станов» расположены неверно.

Как и Е.И. Горюнова, Е.А. Рябинин использует связанные, по мнению Самарянова, Любавского и Третьякова, с мерей костромские топонимы для обоснования идеи о «костромской чудской группировке», входившей в мерянский племенной союз²¹. Отмечая, однако, «пестроту местных названий с финно-угорскими компонентами» и «наличие определенных различий с топонимикой Владимирской земли», автор ссылается на своеобразие формирования этой группы и на мнение языковеда А.И. Попова о том, что «за подлинно мерянские названия могут быть из всех имен сосчитаны только «Меря» и «Мерьская»(-ский)». Это, по идее Е.А. Рябининой, касается и костромских «мерских» топонимов²². Но А.И. Попов имел в виду лишь невозможность достоверного выделения наследия мери в субстратной топонимике, не исследуя русские «мерские станы».

Как примеры «финно-угорских коллективов, оказавшихся вне зоны начальной древнерусской миграции и еще длительное время сохранявших свою этническую самобытность» в районах, где «имелись все условия для длительной консервации местных традиций» Е.А. Рябининым названы упомянутые М.К. Любавским костромские волости и Мерский стан.

Позже, описывая контакты славян и мери по материалам мого Осипова Пустынь на р. Кубрь, Е.А. Рябинин связал их особенности с формированием в дальнейшем на р. Нерль Волжская и Кубрь Мерского стана, якобы локализуемого там «письменными источниками XIV-XVI вв.»²³.

А.Е. Леонтьев, как говорилось, использовал сведения о «мерских станах» осторожно, с оговоркою, что «в свете имеющихся данных есть основания полагать» и со ссылками на В.А. Самарянова, П.Н. Третьякова и Е.А. Рябинина, упоминая, однако, «мерский стан» близ Переславля по р. Нерли и низовьям р. Кубрь, «Мерский стан» под Костромой и волости Иледам и Ликурги как восходящие к поселениям финского населения²⁴.

В выпусках АКР Ивановской и Костромской обл. уже уверенно сказано о «мерских станах» как о «мерянских, т.е. заселенных мерей» по свидетельству документов XVI-XVIII вв., островках финно-угорского населения, существовавших и в XVI-XVII вв., сохраняя «немало своеобразных черт в культуре, быте и языке»²⁵.

Итак, историографическая традиция помещает «мерские» станы в Переславском, Костромском, Кашинском, Унженском и в Кинешемском уездах. Все эти станы указаны на упомянутой карте А.К. Матвеева. Предполагается, что языковые и этнографические особенности их жителей, долгое время избегавших древнерусского влияния, стали основой для их именования.

От историографии перейдем к актам и к исторической географии.

«Мерский» стан в Переславле на самом деле с первых упоминаний XVI в. помещается на правом берегу Нерли Клязьминской (как и у М. Раевского), а не на Волжской Нерли, куда его произвольно переместил А.С. Уваров и за ним последующие авторы. Соответственно, гипотезы, основанные на его природных и археологических особенностях, теряют смысловую нагрузку. Более того, в актах он называется не «Мерским», а Нерльским (Нерским), что связано с расположением на р. Нерль и не дает предполагать связи названия с мерей²⁶.

Мерский ст. Костромского уезда граничит с г. Кострома. Акты отражают на его территории раннее княжеское и боярское пригородное землевладение, уголья Столничя пути, ценные рыбные ловли, покосы и бортные ухажай²⁷. Это ставит под сомнение идеи о его «окраинном» характере и «вытеснении» туда мерянского населения с длительной консервацией каких-то этноязыковых особенностей. Кроме того, в прилежавшей к городу части стана упоминается оз. Мерско(е) (о нем, фигурирующем в фольклоре, восходящем к реалиям XIII в., писал и А.В. Самарянов), что дает предполагать именование возникшей в кон. XV в. административной единицы по хорошо известному горожанам лимнониму. В актах нач. — сер. XV в. на территории будущего стана ороним «Мерский» отсутствует²⁸. Кроме того, хотя вслед за П.Н. Третьяковым Е.А. Рябинин говорит, что Мерский стан в Костроме «известен по археологическим данным», следов мери на его хорошо изученной территории не найдено. Лишь на одном

памятнике из 15 в верхних слоях обнаружено «небольшое количество фрагментов лепных гладкостенных сосудов», которые можно связать с финскими традициями кон. I тыс. н.э.²⁹

Мерецкий (Меретцкий, Нерецкий) ст. Кашинского уезда никогда, вопреки П.Н. Третьякову, не звался Мерским, и расположен не на Волге — там находится Нерехоцкий ст., а к северо-востоку от Кашина, по левому берегу р. Кашинки³⁰. Он известен лишь с XVI в. и тоже пригородный, а не окраинный. Его название, возможно, связано не напрямую с этнонимом, а с этноантропонимом «Мерец»³¹. Его территория, лежащая рядом с Чюдским ст., вблизи от сгустка характерных гидронимов и могильников с финским субстратом, может быть как-то связана с субстратным населением, но подтверждающих это данных нет.

Мерские ст. в Кинешме и на Унже неизвестны источникам.

«Мерский стан», предполагавшийся В.А. Самаряновым на Унже, судя по всему — пог. Георгия, упоминаемый в Дозорной книге Унжи 1616/17 г. В Галичский уезд эти пограничные с входившим в зону влияния Казани марийским Поветлужьем земли вошли в XV-XVI вв. Краеведы упоминают там Мерскую дорогу³². По неясному замечанию А.К. Матвеева, где-то там, в Мантуровском районе, зафиксированы Мерские болота³³. Данных археологии и этнографии об округе села нет, для уточнения топонимики следует исследовать писцовые материалы XVII в.

Кинешемская Мериновская вол. связана с мерей не более любой иной.

Таким образом, связи т. н. «мерских станов» с мерей не доказаны либо недоказуемы. Это не удивительно: масштабная консервация в прилегающих к большим городам отдельных пригородных станах следов субстрата, резко отличающих их население от соседей вплоть до XV-XVI вв., маловероятна. Административное деление Московского государства формируется лишь во втор. пол. XV в. для упорядочения налогообложения и военной службы почти без учета внутреннего деления прежних княжеств. Новые крупные единицы — станы — складываются в кон. XV — нач. XVI вв. и получают имена по водоемам, рельефу, по селам и погостам, а не по былым этнографическим особенностям жителей — не значимым для писцов реликтам далекого прошлого.

Кроме того, использованию названий с основой мер- как связанных с этнонимом меря, мешает широкое распространение в гидронимии края основы мер-/нер-, чередующейся в актах, вводя ученых в заблуждение³⁴. Можно, конечно, предполагать, что все эти имена (Нерль, Нерехта и др.) тоже содержат этноним. Но нет критериев, дающих уверенно утверждать, что вероятно давшее имя Мерскому ст. оз. Мерское под Костромой связано с мерей, а, к примеру, р. Мерская, давшая такое же имя Мерскому ст. в Старице, не упомянутому в рассмотренных работах — не связана. Хотя такая связь предполагалась еще Ю.В. Готье, и его гипотеза не более и не менее обоснована³⁵. Связь с мерей р. Нерская (Мерьска, Мерская) — при-

тока р. Москвы, оз. Мерского (Нерского) под Дмитровом или Мерского болота в Архангельской обл. пока что – вопрос, неразрешимый научными методами. Шлейф гидронимов на мер-/нер- уходит к Балтике, и В.Н. Топоров привел ряд их убедительных балтских параллелей³⁶.

Доводов в пользу гипотезы о «мерских станах», кроме звучания имен, за прошедшие 150 лет не возникло. Нет языковых и этнографических отличий их жителей, нет данных археологии, нет особенностей топонимики. Более того, даже не уточнено местоположение этих станов и происхождение их имен. Полагаю, до появления работ, доказывающих наличие на территории станов, связываемых с мерей, мерянского субстрата, идею о «мерских станах» – островах сохранившегося до позднего средневековья этноса мери, точно маркирующих его границы и отражающих взаимодействие с древнерусским населением, следует отложить.

Вместо яркой картины бесспорно мерянских «островов», веками хранивших в русском окружении свои отличия, мы видим давно известные факты наличия дорусского слоя гидронимов и отдельных дорусских названий поселений. Они отражают участие финского населения в формировании древнерусской народности, что и так общепризнанно. Древнерусские села, как показал А.Е. Леонтьев, не обтекали места, обжитые мерей, а тяготели к ним, часто сохраняя прежние финские имена³⁷. Это ставит под сомнение саму возможность связи дорусских топонимов с «островами» субстратного населения, окруженного древнерусским.

Пока же остается согласиться как с Д.А. Корсаковым, сетовавшим, что «даже самый материал, из которого можно извлечь некоторые данные о мере, не приведен в порядок, не проверен критически», так и с А.Е. Леонтьевым, указавшим, что «вопрос о происхождении «мерских станов» требует специальных археологических изысканий и дополнительного изучения»³⁸. Недопустима ориентация только на звучание топонима, дающая без исследования его происхождения делать широкие выводы и позволительная лишь с оговорками и в XIX в.³⁹ Без всестороннего и полного изучения археологического и топонимического наследия мери есть риск остаться в плену внешне вероятных умозрительных предположений, основанных лишь на таких же предположениях.

**

¹ Матвеев А.К. Ономатология. М., 2006. С. 187, 188, карта 2.

² Там же. С. 186.

³ Седых В.Н. Археология и древняя история Ярославско-Костромского Поволжья // Очерки исторической географии: Северо-запад России: славяне и финны. СПб., 2001. С. 426.

⁴ Леонтьев А.Е. Археология мери. М., 1996. С. 290-291.

⁵ Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. VI. Владимирская губерния. СПб., 1863, ред. М. Раевский. С. 39, 40.

⁶ Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872. С. 8-9.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

- ⁹ Корсаков Д.А. Мера и Ростовское княжество. Казань, 1872. С. 14.
- ¹⁰ Там же. С. 11-13.
- ¹¹ Самарянов В.А. Следы поселений мери, чуди, черемисы, еми и других инородцев в пределах Костромской губернии // Древности. Труды ИМАО. Т. VI. Вып. 1. М., 1875. С. 47.
- ¹² Там же. С. 49.
- ¹³ Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. С. 2-3.
- ¹⁴ Самарянов А.В. Следы поселений... С. 59.
- ¹⁵ Там же. С. 11, 12.
- ¹⁶ Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА. № 94. М., 1961. С. 248.
- ¹⁷ Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. МИА. № 179. Л., 1970. С. 135.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Готье Ю.В. Материалы по исторической географии Московской Руси. Замосковные уезды и входившие в их состав станы и волости по писцовым и переписным книгам XVII столетия. М., 1906.
- ²⁰ Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986. С. 20.
- ²¹ Там же. С. 114.
- ²² Там же.
- ²³ Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997. С. 179.
- ²⁴ Леонтьев А.Е. Археология мери... С. 291.
- ²⁵ Археологическая карта России. Ивановская область. М., 1994. С. 45; Археологическая карта России. Костромская область. М., 1999. С. 67.
- ²⁶ Готье Ю.В. Материалы по исторической географии... С. 39. Нерским он назван и у Н.П. Барсова, впрочем, не заметившего ошибки А.С. Уварова с расположением стана на Волжской, а не Клязьминской Нерли: Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 53; Кроме того: Акты Русского государства 1505-1526 гг. М., 1975. № 263. С. 267, № 280. С. 282; РГАДА. Ф. 281. Оп. 21. № 15020; Ф. 281. Переславль. № 61/8785, № 168/8892. М.К. Любавский также называет его Нерльским и Нерьским (Мерьским), верно располагая на Бол. Нерли и не называет в связи с мерей (Любавский М.К. Образование основной государственной территории... С. 44).
- ²⁷ Антонов А.В. Костромские монастыри в XVI – начале XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001. № 49. С. 117, 118, 126.
- ²⁸ АСЭИ. Т. 3. № 228. С. 248; СГГД. Т. 1. № 83.
- ²⁹ Археологическая карта России. Костромская область. М., 1999. С. 297; Гурина Н.Н. Неолитическое поселение Борань. МИА, № 79. С. 188-238; Гурина Н.Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, № 110. С. 87-108; Кабатов С.А. Памятник русского средневековья Костромского Поволжья – селище Вёжи // Археология Подмоскovie. Вып. 7. М., 2011
- ³⁰ Готье Ю.В. Материалы по исторической географии... С. 21; Акты Русского государства 1505-1526 гг. М., 1975. № 187, 189. С. 184-185. Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – нач. XVII вв. М., 1998. № 116, 117. С. 254-255. Пока что можно предполагать, что Мерецкий (Нерецкий) ст. выделяется из Нерехоцкого к 1520-м гг. (с. Троицкое в раннем акте – в Нерехоцком ст., а затем – в Мерецком) и в любом случае, его границы формируются на протяжении всего XVI в.: см. АСЗ. Т. 4, № 528. С. 440.
- ³¹ Матвеев А.К. Ономастология... С. 187.
- ³² Белоруков Д.Ф. Деревни, села и города Костромского края. Кострома, 2000. С. 56, 205. Автор, однако, смешивает две Георгиевские церкви, Межской и Верховской вол. С. 205, 215.

- ³³ Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // Вопросы языкознания. М., 1996. № 1. С. 20.
- ³⁴ Матвеев А.К. Топонимические этимологии. XI. Название озера Неро // Советское финно-угроведение. Таллин, 1978. № 1. С. 2, 6.
- ³⁵ Готье Ю.В. Материалы по исторической географии... С. 48.
- ³⁶ Топоров В.Н. Балтийский элемент в гидронимии Поочья. II // Балто-Славянские исследования. 1987. М., 1989. С. 55.; Топоров В.Н. Baltica Подмосковья // Балто-славянский сборник. М., 1972. С. 242.
- ³⁷ Леонтьев А.Е. Археология мери... С. 273.
- ³⁸ Там же. С. 291.
- ³⁹ Н.П. Барсов еще в 1873 г. в «Очерках русской исторической географии» писал: «дополняя недостаток летописных сведений указаниями и свидетельствами поздней географической номенклатуры, следует понимать, что ее значение в вопросах исторической географии признается больше на веру, чем по сознательному и оправданному критикой убеждению; и они лишь тогда получают прочность и несомненность, когда будут проверены путем филологического изучения». (Барсов Н.П. Очерки ... С. IV).